

Когда война закончилась и испытания состоялись, Гермиона Грейнджер вернулась в Хогвартс, чтобы помочь в восстановлении. Она планировала вернуться, чтобы переделать, если это правильное слово, свой седьмой курс и сдать экзамены N.E.W.T., и для этого ей нужно было сохранить здание в целостности и сохранности.

Кроме того, ей некуда было идти.

Ее родители были в полном забвении, а консультации с более опытными волшебниками и ведьмами приводили к одним и тем же результатам. Она проделала отличную работу - самую впечатляющую работу, - но попытка отменить ее чревата повреждением мозга. Оставьте их в покое, - посоветовала она. Они счастливы в той жизни, которую вы для них создали. Пусть живут. Она выслушала всех, кто говорил ей это, с каждой встречей ее лицо становилось все мрачнее, а сердце - все ниже, и в конце концов она признала их правоту. По крайней мере, ее родители были живы; не каждый мог сказать об этом. По крайней мере, они были счастливы.

Она не могла поехать к Уизли, ведь их семья была ее волшебным домом на протяжении многих лет. В конце концов, она так и не смогла простить Рона. Он любил её, в этом она не сомневалась. Однако каждый раз, когда он брал её за руку, обнимал или целовал, она снова оказывалась в палатке в лесу с Гарри, покинутая. Возможно, это было мелочно. Она смогла простить столько людей за гораздо большее. Она даже пожала руку Нарциссе Малfoy и пожелала ей удачи после суда, вкладывая в каждое слово смысл, но Рон был ей слишком дорог, а его предательство слишком глубоко ранило. Если бы она не любила его до этого, то смогла бы полюбить и после, но сейчас его любовь казалась ей пеплом во рту.

Разумеется, это означало, что Молли Уизли не желает иметь с ней ничего общего.

Поэтому она собрала вещи и отправилась в Хогвартс. Общежитие Гриффиндора было разгромлено, и МакГонагалл с извиняющимся видом предложила общежитие Слизерина, потому что оно было защищено от драки. "Этим летом там живет еще только один студент", - сказала ей МакГонагалл. "К сентябрю мы наверняка подготовим для вас Башню".

Гермиона кивнула. Это была кровать, и в данный момент ей было не до размышлений о том, где найти такую кровать. Закатив магглорожденные глаза на пароль "чистокровная", она вошла в комнату и устроилась в одной из комнат женского общежития. Она привыкла к ярким, залитым солнцем комнатам Гриффиндорской башни, и жуткое зеленое сияние, проникающее через окна, казалось ей угнетающим и удушающим. Неудивительно, что все Слизеринцы выглядят такими несчастными, подумала она, раскладывая на столе несколько романов. Наверное, все они страдают расстройствами настроения из-за недостатка света.

Она знала, что, хотя довольно много людей ежедневно приезжали сюда, чтобы помочь в восстановлении, почти никто не жил в замке летом. Она, персонал и тот, кем был этот другой студент. "Мы все еще подаем еду, - сказала МакГонагалл. "Домовые эльфы рассердились, когда мы предложили им не готовить, поэтому мы собираемся в том помещении, которое когда-то было классной комнатой. Он в достаточно хорошем состоянии, а вот Зал..."

На этом женщина прервалась, и Гермиона кивнула: не было смысла заикливаться на том, в каком состоянии находится Зал. В конце концов, она здесь для того, чтобы помочь его отремонтировать. Она взяла номер класса в новой столовой и сказала, что встретится там со своими сожителями за ужином. Наложив на себя чары *tempus*, Гермиона поняла, что сейчас это произойдет, и, толкнув дверь своей комнаты, начала пробираться к выходу из подземелий.

Она даже не успела удивиться, когда увидела светловолосую голову в общей комнате Слизерина и поняла, кто еще один летний житель. С тех пор как закончилась война, ничего не происходило правильно, так почему же в этот раз должно быть иначе?

Драко Малфой ненавидел свою жизнь. Бывали дни, когда он жалел, что чертов Поттер не спас его из огня, не дал показания на суде, не спас весь этот проклятый мир. В такие дни он жалел, что не умер, не попал в Азкабан или в какой-нибудь другой ад, придуманный для несостоявшегося убийцы и некомпетентного Пожирателя смерти. Находиться дома стало невыносимо; родители были как зуд под кожей, до которого он не мог добраться со своими бесконечными заботами и беспокойством, и ему хотелось, чтобы они убралась и оставили его в покое, потому что он, возможно, хотел бы умереть, но он был слишком большим трусом, чтобы что-то сделать с этим желанием, так что они могли просто уехать.

Когда стало ясно, что они не собираются уходить, он написал исполняющей обязанности директора Макгонагалл и спросил, разрешит ли она ему вернуться и помочь восстановить Хогвартс. Ее ответ был формальным и вежливым, и, хотя он был уверен, что на самом деле ему не рады, она ответила, что да, они принимают все предложения о помощи. На следующий день он был у ворот.

Она сказала ему, что общежития Слизерина находятся в лучшем состоянии и что он может заселяться. Она спросила, не собирается ли он перевестись на седьмой курс, и он, ухватившись за идею провести год вдали от навязчивой матери и слишком сердечного отца, ответил, что да, ему бы очень хотелось получить такую возможность.

Драко улыбнулся: гнев и ненависть к себе скрывались за маской, более бесчувственной, чем та, которую он носил, будучи Пожирателем смерти. МакГонагалл назначила его в библиотеку, и он провел две недели, молча поднимая книги с поваленных полок, проверяя, не повреждены ли они, а затем молча складывая их в коробки. Уборку можно было делать и магическим способом, но сначала книги нужно было убрать и проверить каждую вручную. Первый час мадам Пинс наблюдала за ним, сузив глаза, но потом решила, что ему можно доверять, что он не будет вырывать страницы и что он знает разницу между книгой, требующей ремонта, и книгой, которую нужно просто переставить на полку. Ему было запрещено входить в секцию ограниченного доступа. Он не стал с ней спорить.

Он молча сортировал книги, молча ел вместе с персоналом, молча возвращался в свою комнату и молча смотрел в глубины озера. Это было облегчение - остаться одному. Через две недели МакГонагалл отозвала его в сторону и сказала, что в замок вернется еще один студент и поселится с ним в общежитии, и что она ожидает от него вежливого и приличного поведения. Угроза, что в противном случае его отправят домой, прозвучала негромко, но отчетливо, и Драко, одарив ее своей самой вежливой улыбкой, сказал, что с нетерпением ждет компании.

МакГонагалл издала странный придушенный звук, но все, что она сказала, это то, что работа в библиотеке пойдет быстрее с еще одной парой рук, и Драко кивнул. В тот вечер он оттянул рукав и провел пальцем по уродливой Метке на руке и по более слабым красным линиям, проходящим через нее. Он принял его добровольно, и эта мысль заставила его горько рассмеяться. Он был так глуп. Все решения в его короткой жизни были такими, такими глупыми. И теперь он застрял в этом, застрял в тихой жизни, в которой он совершил слишком много ошибок.

На следующий день он снова занялся сортировкой книг, а затем вернулся в свою комнату, чтобы смыть пыль перед ужином. Он услышал, как вошла новая ученица, и, судя по тому, в какое общежитие она попала, понял, что это должна быть девушка. Это объясняло заботу МакГонагалл о приличиях.

Он ждал в общем зале, чтобы проводить ее, кем бы она ни была, на ужин, потому что его мать бросила бы на него один из своих разочарованных взглядов, если бы узнала, что он не оказал такой любезности даже какому-то хаффлпаффскому полукровке, пришедшему сюда, чтобы все снова стало блестящим. Он уже достаточно разочаровал свою мать в жизни и предпочитал не добавлять в свой список новых неудач, поэтому он стоял в комнате, празднично глядя на озеро и думая о том, как спокойна вода, когда слышал позади себя знакомый голос.

"Малфой. Черт возьми", - сказала Гермиона Грейнджер.

Все, что он успел подумать, это "Черт".

<http://tl.rulate.ru/book/113312/4269086>